

Слюна тритона несла в себе легкую прохладу, но, возможно, из-за того, что Сы Юэ уже привык, он не почувствовал никакого дискомфорта.

Обвив руками шею Бай Цзяня, он спиной опирался на руль.

Теперь, когда исчезли все страхи и сомнения по поводу влияния генов, Бай Цзянь целовал и кусал его чуть жестче, чем обычно. Из горла тритона вырывался удовлетворенный, почти звериный рокот, после чего он с невыразимой нежностью зализывал оставленные на челюсти юноши следы укусов.

В животном мире царили свои законы выживания. Люди и тритоны относились к высшим разумным существам.

Но именно людей можно было назвать наиболее совершенной ветвью эволюции.

Чего нельзя было сказать о тритонах. Ведь не зря к слову «человек» добавлялась частица «рыба». В их крови всё еще бурлили первобытные, животные инстинкты, а тела сохраняли рудименты незавершенной эволюции: хвост, перепончатые когти, а также волосы, которые росли и меняли цвет синхронно с трансформацией тела.

Сы Юэ повернул голову и посмотрел на длинные белые волосы Бай Цзяня, зажатые у него в кулаке — холодные и влажные.

Морские волны отступали от берега лишь для того, чтобы с еще большей яростью обрушиться на песок. Тяжелые тучи нависли так низко, словно пытались раздавить океан, не пропуская ни единого луча света.

Волны безжалостно швыряли и крутили ракушки, перемешивая их с соленой водой и мелким песком. От этого зрелища кружилась голова.

Бедные ракушки, вынесенные с мелководья на пляж, не успевали даже опомниться, как их снова накрывало и придавливало толщей воды, утаскивая обратно.

Красивая белая створка, словно покрытая перламутровой глазурью, мерцала в тусклом свете далекого фонаря. Ее тонкие створки чуть приоткрылись, но не успели они сомкнуться, как внутрь хлынула новая порция ледяной воды.

Ракушка — создание, чья боевая мощь уходит в минус. У нее, кажется, нет иного предназначения, кроме как служить пищей или украшением.

Но ее природная, безупречная красота заставляет других замирать, смотреть не отрываясь и желать обладать ею до безумия.

Ледяная вода заставляла нежную плоть внутри твердой скорлупы сжиматься и дрожать. Вода всё прибывала и прибывала. В природе никто не знает пощады, когда дело доходит до поглощения и присвоения.

Особенно если перед тобой — всего лишь жалкая, но прекрасная ракушка.

Это одностороннее вторжение и поглощение закончилось лишь тогда, когда из нависших туч хлынул ливень.

Дождь обрушился сплошной стеной, тяжело барабанил по крыше машины. Будь он еще хоть немного громче, за ним бы никто не услышал тихого ворчания Сы Юэ.

— У тебя руки ледяные, — буркнул он. Бай Цзянь уже пересадил его на пассажирское кресло, наклонился, чтобы пристегнуть ремень, настроил сиденье и только потом вернулся за руль.

Бай Цзянь вытащил влажную салфетку и принялся медленно, с невозмутимым видом вытирать руки. От этого зрелища Сы Юэ закрипел зубами: «Хватит притворяться! Хватит притворяться!» Но вслух ничего не сказал, ожидая ответа.

— Это просто ты слишком горячий, — очистив пальцы, Бай Цзянь снова надел очки. Вспыхнули фары, заурчал двигатель, разрезая шум ливня. Бай Цзянь вел машину плавно и уверенно, а вот Сы Юэ был крайне недоволен.

Он прекрасно понял, в каком именно месте он был «слишком горячим». Его уши запылали так, что вот-вот из них пошла бы кровь.

Зная о смутительности Сы Юэ, Бай Цзянь всё же решил заранее предупредить его, как они это делали всегда, когда речь заходила о подобных вещах:

— Поскольку ты пока остаешься человеком, принимать тритона для тебя физически очень тяжело. Риск травмироваться слишком велик. Поэтому тебе нужно привыкать постепенно, чтобы повысить свою вместимость и эластичность.

Он бросил взгляд на Сы Юэ, который, казалось, готов был слиться с сиденьем или вообще провалиться сквозь пол: — Я использовал только руки, А-Юэ. Не нужно так реагировать.

— Какие еще руки?! — вскинулся Сы Юэ, резко повернувшись к нему. — Твои когтищи такие длинные и здоровые! В чем вообще разница?!

— Разница есть, — с легкой улыбкой ответил Бай Цзянь. — По правде говоря, сейчас ты просто не в состоянии меня принять.

Сы Юэ: «...»

Сы Юэ ничего не знал об этих тонкостях, он ведь никогда этого не видел.

Уставившись в залитое дождем стекло, он на удивление быстро притих. Перепончатые когти тритона были покрыты слоем ледяной, скользкой слизи. От одного воспоминания холодок пробегал от копчика до самой макушки, сменяясь обжигающим жаром.

Даже когда всё закончилось, Сы Юэ не мог избавиться от этого ощущения.

Он как-то трогал когти Бай Цзяня: холодные и твердые.

Но сегодня они оказались на удивление гибкими. Сы Юэ подозревал, что это очередная хитрость Бай Цзяня — мягкие перепончатые когти были гораздо изворотливее и могли проникать туда, куда твердым предметам путь был закрыт.

Они добрались до дома ближе к одиннадцати. Дядя Чэнь уже ждал их у ворот с раскрытым зонтом.

Дорожка шла под уклоном, и распутившиеся весенние цветы, истерзанные ливнем, потоками уносило вниз по склону.

Сы Юэ попытался открыть дверь, чтобы выскочить наружу, но Бай Цзянь остановил его. Тритон вышел первым, забрал зонт у дворецкого, обошел машину и открыл пассажирскую дверь.

Сы Юэ высунул ногу, коснулся асфальта и тут же втянул ее обратно. Дождевые брызги попали ему на челку, отчего даже глаза казались влажными.

Бай Цзянь поднял зонт у него над головой:

— В чем дело?

Сы Юэ как-то неловко покосился на дядю Чэня. Поняв намек, Бай Цзянь повернулся к старику:

— Идите в дом.

Дядя Чэнь раскрыл свой зонт и поспешил к особняку.

Сы Юэ с облегчением выдохнул. Одной рукой он сжимал рюкзак, а другой потянул Бай Цзяня за край пиджака:

— У меня там... сзади... кое-что осталось. — Он стиснул зубы. Сказать это было невероятно стыдно, но пришлось.

Хоть до финального акта дело и не дошло, слизь с когтей тритона осталась внутри.

— Неси меня на спине, — скомандовал он тоном капризного босса.

Бай Цзянь опустил глаза. Вложив рукоятку зонта в ладонь Сы Юэ, он повернулся к нему спиной и чуть присел:

— Забирайся.

Сы Юэ закинул рюкзак на плечо, перехватил зонт и залез на спину Бай Цзяню. Поднять его для тритона не составляло никакого труда — это было так же легко, как когда Сы Юэ пытался вырваться из его объятий: любые попытки казались лишь милым кокетством.

Кожаные туфли шлепали по лужам. Дождь лил как из ведра, грязные брызги пачкали брюки Бай Цзяня.

До главного дома было еще приличное расстояние. Сы Юэ обхватил рукоятку зонта обеими руками и упер ее Бай Цзяню прямо в макушку.

«...»

— Бай Цзянь, мне же нужно помыться. Что делать с тем, что внутри? — Сы Юэ наклонился к самому уху Бай Цзяня, и его горячее дыхание обдало ледяную ушную раковину тритона. — Если оно пробудет там меньше 24 часов, я что, не смогу превратиться?

Сы Юэ поболтал ногами — не из баловства, просто так. Потом замер и пробормотал:

— Его там как-то слишком много... Мне кажется, сейчас польется наружу.

Пока Бай Цзянь не смотрел на него, Сы Юэ не было так стыдно. Но стоило тритону бросить на него взгляд, как любое его действие заставляло лицо гореть.

И дело было вовсе не в том, что слизи оказалось так уж много. Просто у Сы Юэ, который всё еще был обычным человеком, вместимость была слишком мала.

Чтобы удобнее нести, Бай Цзянь слегка подкинул его на спине.

И тут Сы Юэ как завопит!

От неожиданности он выронил зонт, и ледяной ливень мгновенно окатил их обоих.

«...»

— Не дергайся! Ты меня так подкинул, что у меня половина чуть не вылилась! — Сы Юэ торопливо поймал зонт и принялся вытирать залитое дождем лицо о дорогушую ткань пиджака Бай Цзяня.

Сы Юэ был предельно серьезен. Настолько серьезен, что это выглядело даже мило.

Откуда ему было знать, что для трансформации в «сосуд» вовсе не нужно ждать 24 часа? Даже одного интимного контакта с «отрицательной дистанцией» было достаточно, чтобы запустить процесс. Просто так это заняло бы немного больше времени.

Когда дядя Чэнь забирал у Сы Юэ зонт, в ярком свете прихожей он увидел, что оба промокли до нитки. Выражение лица дворецкого стало весьма красноречивым: «Вы там вообще зонтом пользовались?»

Тем временем Бай Лу чуть не умер со скуки.

За весь вечер он выдул 898 пузырей, 600 из которых сам же и лопнул когтями, сожрал 10 пачек чипсов и 5 часов кряду смотрел мультики про розовую свинку.

И вот, выдувая 899-й пузырь, он наконец услышал знакомый звук мотора.

А потом увидел, как его брат открывает дверь и вносит А-Юэ на спине.

В груди кольнуло от зависти. То ли к брату, то ли к А-Юэ — он и сам не понял. Наверное, к обоим. Если бы можно было, он бы с радостью стал зонтиком в руках А-Юэ, лишь бы не сидеть дома и не пускать пузыри.

— Я чуть не умер от скуки-и-и! — завопил Бай Лу на весь холл и полез вон из аквариума. В этот раз он справился на удивление быстро: стоило его торсу показаться над водой, как хвост уже исчез.

Спрыгнув с табуретки, он мокрыми ногами прошлепал к Сы Юэ:

— Я чуть не помер со скуки~ — повторил он.

Бай Цзянь потрепал Сы Юэ по волосам:

— Я пойду наверх. Прими горячий душ. Если всё вымоется — ничего страшного, когда будет время, я дам тебе еще.

Сы Юэ так сильно стиснул ручку рюкзака, что костяшки побелели. Он неверящим взглядом уставился в спину Бай Цзяня, поднимающегося по лестнице.

Как... как можно говорить такие вещи вслух?! Да еще и с таким спокойным лицом!

Он точно ошибался насчет Бай Цзяня. «Чудовище в костюме» — это больше не метафора. Это просто факт. Бай Цзянь и есть самое настоящее чудовище.

А Бай Лу всё еще ждал реакции — он же сказал, что чуть не умер от скуки!

Но не успел Сы Юэ сообразить, что ответить, как Бай Лу вдруг наморщил нос, сунулся к его шее и шумно втянул воздух.

Спустя пару секунд он с перекошенным лицом отшатнулся:

— А-Юэ, от тебя... несет моим братом! Запах просто невыносимо сильный!

Обычно запах, который тритоны просто оставляли при прикосновении, быстро выветривался. Но сегодняшний был настолько густым и въедливым, что шел словно изнутри. Такое простым сквозняком не выдуешь.

Бай Лу обиженно забился в угол дивана, моментально промочив обивку:

— Я больше не хочу с тобой играть.

Сы Юэ понюхал рукав, не совсем понимая претензий:

— От меня же и раньше им пахло?

Фиолетовые глаза Бай Лу таинственно мерцали в свете люстры:

— Раньше запах был не таким чистым. А сегодня... А-Юэ, это стопроцентный, чистейший запах моего брата как самца-тритона.

Вот почему иерархия в обществе тритонов была такой нерушимой. Им не нужно было оценивать твое состояние, смотреть на бренды одежды, спрашивать диплом или изучать родословную. Они с первого вдоха понимали статус и силу собеседника.

Чем агрессивнее и опаснее был тритон, тем выше было его положение. Если бы такой недомерок, как Бай Лу, не родился в семье Бай, большинство сородичей решили бы, что он питается объедками на помойке.

— Что вы с братом делали?! Он водил тебя играть в море?! — Бай Лу обиженно опустил глаза.
— Я тоже хочу.

Он был невероятно прилипчивым: кого любил, к тому и клеился. Чем дольше он был с кем-то, тем сильнее привязывался. В последние дни он проводил с Сы Юэ столько времени, что сейчас, стоило им разлучиться ненадолго, Бай Лу начинал нервничать и впадать в тревогу.

Из-за незавершенного развития он был ближе к животным инстинктам, чем другие тритоны, поэтому его симпатии и антипатии были предельно чистыми и искренними.

— Ни на какое море мы не ездили. Просто посидели в машине и поговорили, — на ходу соврал Сы Юэ.

Он бросил рюкзак на тумбочку. Сначала хотел сесть, но вспомнив, что внутри него всё еще находится слизь, моментально передумал. Стоя напротив Бай Лу, он тихо спросил:

— Сколько времени нужно, чтобы стать «сосудом»? Самый быстрый вариант?

— Год, — ответил Бай Лу и тут же поправился: — Но это не точно. Таких случаев еще не было, так что я не уверен. Всё зависит от силы тритона. Чем он мощнее, тем быстрее идет процесс и выше шансы на успех.

— В случае с моим братом это может занять от трех до пяти месяцев. В книгах пишут, что нужны еженедельные 24-часовые погружения в ТУ-жидкость, но это теория, никто же не проверял. Думаю, жестких рамок нет.

Бай Лу рассуждал о том, что знал, с полной серьезностью.

— Но учти: чем сильнее тритон, тем сильнее его влияние на сознание человека. Мой брат, например, может превратить человека в покорную марионетку вообще без напряжения. Тебе даже не придется становиться тритоном — уже на стадии «сосуда» ты не сможешь отказать ему ни в чем.

— А-Юэ, а зачем ты вдруг об этом спрашиваешь? — с любопытством спросил он, свесившись со спинки дивана.

Сы Юэ не собирался ничего скрывать и выложил ему всё как есть.

Бай Лу хлопнул ресницами раз, другой. А когда до него дошло, он радостно подскочил на диване, порываясь броситься к Сы Юэ с объятиями, но наткнулся на невидимую стену запаха брата и замер на месте:

— Правда?! Честно-честно?!

Сы Юэ кивнул.

— погоди, стой здесь, я сейчас книжки принесу! — Бай Лу отпихнул сухую одежду, которую протягивал ему дядя Чэнь, и рванул в гостиную. Вскрабкавшись на стремянку, он смахнул пыль с верхних полок, вытащил пару старых фолиантов и прибежал обратно.

Разложив книги на журнальном столике, он усадил Сы Юэ напротив.

— Здесь всё про превращение в «сосуд» и меры предосторожности! — глаза Бай Лу сияли, он был готов вывернуть душу наизнанку, так искренне он хотел помочь. — Брат, конечно, всё это знает, но вдруг ты забудешь!

Сы Юэ опустил взгляд на раскрытые страницы. Они были исписаны подробнейшими пометками.

— Откуда у тебя это? — он поднял бровь.

— Ну, мне было интересно, можно ли сделать всё наоборот. Типа, чтобы тритон стал «сосудом» и превратился в человека.

— Зачем тебе становиться человеком?

Бай Лу посмотрел на свои ноги и грустно вздохнул:

— Я хотел нормальные, здоровые ноги. — Из-за своей недоразвитости он не мог долго находиться без воды. Это значило, что он не был ни человеком, ни полноценным тритоном. Он был изгоем.

Сы Юэ заметил, что некоторые абзацы перечеркнуты красной ручкой.

— Бай Лу, — мягко сказал он, — ты и сейчас отличный парень.

— Я знаю, я уже смирился, — Бай Лу сел на ковер. — Тритону не стать человеком. Человеческая генетика слишком сложная. Для тритона это было бы не превращение, а эволюционный скачок, что нарушает все законы биологии.

Сы Юэ перелистнул страницу:

— А почему тогда люди могут превращаться в тритонов?

— Потому что это не эволюция. Это полное стирание человеческих генов и построение новой, тритоньей генной цепи, — пояснил Бай Лу. — Главная проблема в том, что тритон может создать свою цепь, но не может скопировать человеческую. К тому же, гены тритона невозможно стереть до конца, так что в итоге получится какой-нибудь монстр.

При слове «монстр» в голове Бай Лу почему-то всплыл образ той твари, которую они видели на лайнере. Вот уж точно был монстр.

— Помнишь, я говорил, что стать «сосудом» не так уж просто? Далеко не все тритоны такие, как мой брат. У обычных тритонов не хватает сил так легко стереть человеческие гены.

— Но тебе волноваться не о чем. Брат всё сделает идеально, для него превратить тебя в тритона — раз плюнуть!

Сы Юэ: «...»

— Так значит, запах от тебя — это потому, что в тебя залили ТУ? — Бай Лу задал этот вопрос с кристальной невинностью, не моргнув и глазом, чисто ради науки.

Сы Юэ невозмутимо ответил «Угу». Перед ним сидел не Бай Цзянь, так что смутить его было не так-то просто.

— Как же здорово! Скоро мы с А-Юэ будем одного вида! — Бай Лу был счастлив абсолютно искренне. После похорон Баи Ити у него развился панический страх смерти близких. За остальных он был спокоен — они тритоны, а вот А-Юэ был человеком, и его век был слишком короток. — А-Юэ, а ты уже решил, какого цвета будешь?

Сы Юэ ошарашенно поднял глаза:

— Это что, можно выбирать?!

— Нельзя, — помотал головой Бай Лу. — Я просто так спросил.

«...»

Сы Юэ вспомнил черный, как сама ночь, хвост Бай Цзяня под лунным светом.

— Мне черный нравится, — закрыв книгу, сказал он.

— Так не выйдет! — тут же возразил Бай Лу. — Хоть светлые оттенки и считаются самыми редкими, черный вообще не вписывается в общую палитру. Черные хвосты были только у тритонов с острова Лес. А так как они все погибли и остался только мой брат, ты никак не сможешь стать черным, даже если превратишься с его помощью.

Сы Юэ просто считал, что черный — это стильно. Ну, нельзя так нельзя, не страшно.

— А если не черный? — Бай Лу кокетливо похлопал ресницами. — Может, хочешь стать таким же, как я?

— Фиолетовым? Ни за что, — Сы Юэ забраковал идею еще до того, как Бай Лу договорил. — Слишком гламурно.

— Зеленым?

— Зеленый — плохая примета, — открестился Сы Юэ.

— Синим?

— А я в воде не сольюсь с фоном?

— Красным! Красный — очень красивый.

Сы Юэ представил себя с красным хвостом. Хвост — это уже само по себе дичь, а красный хвост...

Он резко вскочил с места:

— Не хочу я быть красным!

Лучше бы он не вскакивал. От резкого движения мышцы свело, и по бедру предательски скользнула ледяная струйка слизи. Какое счастье, что он был в джинсах!

Не обращая внимания на недоуменный взгляд Бай Лу, он развернулся и рванул вверх по лестнице.

— Я мыться! До завтра!

Бай Лу: «?»

Слизь с перепончатых когтей тритона была прозрачной, вязкой, влажной, скользкой и отлично тянулась.

Сы Юэ стоял под душем. Растянув липкую прозрачную нить между большим и указательным пальцами, он пристально разглядывал ее, пытаясь найти хоть какие-то отличия. Когда до него дошло, что именно он делает, он помотал головой и поспешно всё смыл.

С рук она смылась легко. А вот внутри... С этим возникли проблемы. Опыта у него не было, пришлось просто направить струю из лейки прямо туда. Но слизь тритона вцепилась в стенки намертво.

Сы Юэ понял, что зря переживал: эта гадость и не собиралась просто так вытекать.

Как и ее хозяин, она обладала феноменальным чувством собственности.

Пришлось выковыривать всё пальцами.

Закончив экзекуцию, он выключил воду, высушил волосы и на ватных ногах выполз в спальню.

Только надев пижамную рубашку, он вдруг заметил сидящего на диване Бай Цзяня.

Сы Юэ остолбенел.

Он был без штанов.

Почувствовав на себе скользкий взгляд тритона, он метнулся к шкафу, выудил оттуда первые попавшиеся пляжные шорты, натянул их и, пылая лицом, подошел ближе:

— Ты почему еще не спишь?

Бай Цзянь поманил его пальцем.

Сы Юэ остановился в метре от него.

«...»

Бай Цзянь подался вперед, притянул его к себе и шумно втянул воздух.

— Не до конца вымыл, — медленно, поднимая глаза, констатировал он.

«!»

Если бы он промолчал, всё было бы нормально. Но после этих слов Сы Юэ вспыхнул как спичка — то ли от смущения, то ли от злости.

— Эта дрянь слишком липкая! — он показал пальцами, как она тянется. — И вообще, она как живая! Чем больше я смывал, тем глубже она забивалась!

Выпалив это, он наконец-то заметил откровенно насмешливый взгляд Бай Цзяня.

Сы Юэ заскрипел зубами:

— А почему ты не предупредил, что ее хрен отмоешь?!

Бай Цзянь обнял его за талию, наслаждаясь исходящим от юноши запахом — своим запахом.

— Откуда мне было знать, что ты будешь так маниакально пытаться всё вычистить? — усмехнулся он.

Сы Юэ опустил глаза. Вдруг в его голове щелкнуло, и взгляд слегка изменился:

— А ты откуда знаешь?

— Слышал, — Бай Цзянь взял ладонь Сы Юэ в свою — ту самую ладонь, чьи пальцы Сы Юэ только что использовал. Взгляд тритона, скользнувший по кончикам пальцев, был более чем красноречив. — В следующий раз не усердствуй так сильно, можешь пораниться. И не используй горячую воду напрямую.

Пока Бай Цзянь сидел на диване в его комнате, из ванной то и дело доносилось: «Твою мать!», «Да блядь!».

Слух тритонов совершенен. А его слух — тем более.

Его человеческий партнер явно краснел до корней волос, когда пытался забраться пальцами внутрь себя.

Сы Юэ казалось, что Бай Цзянь играет с читами.

Он навалился на тритона, так что тому пришлось откинуться на спинку дивана, и вцепился ему в воротник:

— Ты что, чит-коды купил?!

— С чего ты взял?

— А иначе как ты всё умеешь и всё знаешь?!

В глазах Бай Цзяня заплескалась мягкая улыбка:

— До встречи с А-Юэ я никогда не считал себя везучим.

Сы Юэ посмотрел ему прямо в глаза. Он прекрасно понял, о чем речь. Когда у тебя чего-то слишком много, это становится бременем. Даже если это материальные блага. А уж что говорить о Бай Цзяне, чьим бременем было бесконечное время.

Бай Цзянь перебирал мягкие пряди волос Сы Юэ.

— На мне лежит ответственность, — медленно проговорил он. — Ответственность за поддержание мира в обществе тритонов. Да, я имею право просто закрыть на всё глаза. Но ты ведь понимаешь: если губы исчезнут, зубам станет холодно.

Жители острова Лес, его кровные родственники, погибли в той страшной буре сто лет назад. Он остался единственным выжившим. И, разумеется, не мог допустить, чтобы подобная катастрофа повторилась.

Лицо Сы Юэ стало задумчивым. Спустя пару минут он сполз с дивана и уселся на ковер у ног Бай Цзяня.

— Я записался стажером в Третий исследовательский институт. Буду ходить туда по выходным.

Бай Цзянь смотрел на него, и выражение его лица ни капли не изменилось.

Сы Юэ продолжил:

— Я просто хочу посмотреть, что за эксперименты они там ставят. Если они мучают животных — я донесу. Если нарушают законы этики — тоже донесу.

— Хотя вряд ли там что-то совсем жуткое, вроде опытов на людях или тритонах... — Сы Юэ поднял глаза на Бай Цзяня и вдруг осекся.

А с чего бы Фань Си задавать эссе на тему взаимного превращения людей, тритонов и осьминогов? Вряд ли это была просто старческая причуда. Фань Си не из тех, кто делает что-то просто так.

— Но если это действительно какие-то жестокие эксперименты... — в глазах Сы Юэ мелькнула тревога. — Я боюсь, что однажды они доберутся до простых людей. И до тебя.

Бай Цзянь тихо рассмеялся:

— Почему именно до меня, а не до остальных тритонов?

Сы Юэ серьезно ответил:

— Потому что твоя генетика уникальна. Тритоны могут сколько угодно ныть, что им надоело жить, но люди-то до сих пор грезят о бессмертии. Или хотя бы о долголетьи! Если они узнают, что ты не такой, как обычные тритоны... Даже если бессмертие им не светит, они попытаются поймать тебя и выкачивать твою кровь, чтобы просто продлить себе жизнь.

— Если бы обычные тритоны могли продлевать жизнь людям, в мире давно бы начался хаос, — Сы Юэ положил подбородок на колено Бай Цзяня и протянул: — Хоть некоторые тритоны и жертвуют свои тела науке, отец говорил, что спрос всё равно превышает предложение. Экспериментальных образцов критически не хватает.

— А-Юэ, я не одобряю твою идею с институтом, — Бай Цзянь погладил его по макушке. — В процессе превращения в «сосуд» твой иммунитет сильно просядет. Обычные вирусы и бактерии, которые раньше были для тебя не опасны, смогут нанести серьезный вред.

— Я вообще думал нанять тебе учителей на дом, — усмехнулся он. — Но ты еще слишком молод. Запирать тебя в четырех стенах было бы слишком жестоко.

Сы Юэ выпрямился:

— Я схожу всего на месяц! Просто посмотрю, что они там делают. Я умру от любопытства!

Бай Цзянь прекрасно видел его насквозь.

— Я всё разузнал. Третий институт находится на отшибе, информация оттуда просачивается туго. Ты... не пытайся меня отговаривать, я сам знаю, что делаю, — Сы Юэ потер затылок, в его глазах читалась непоколебимая упрямость. — Чем меньше они обо мне знают, тем больше смогу узнать я.

— Ты твердо решил? — Бай Цзянь коснулся его щеки, глядя на него теплым, ласковым взглядом. — Какая тебе разница, незаконные там эксперименты или нет? До этого никому нет дела.

— Это эгоизм, — нахмурился Сы Юэ.

С самого детства он не мог пройти мимо несправедливости. В старшей школе он даже подрался, защищая девчонку от домогательств, за что снова был вызван к куратору. Именно благодаря таким любителям «совать нос не в свое дело» мир двигался вперед и менялся к лучшему.

Да и какое же это «чужое дело»?

А вдруг это связано с тритонами? Если это коснется тритонов — Бай Цзянь не останется в стороне. А если это коснется Бай Цзяня — значит, это касается и его самого. Это не чужое дело.

Сы Юэ долго смотрел на Бай Цзяня, а потом перевел взгляд за окно:

— Больше никогда не говори мне таких вещей.

Бай Цзянь смотрел на него долгим, нечитаемым взглядом. Затем тихо рассмеялся и прижал голову юноши к своей груди:

— Не злись. Я понял тебя.

Сы Юэ потерся макушкой о его рубашку, словно ласковый кот.

Бай Цзянь чуть ослабил объятия, позволяя ему поднять лицо. Серьезность исчезла, Сы Юэ снова выглядел немного смущенным. Он сам подался еще ближе и тихонько спросил:

— Слушай... я там почти всё вымыл. Может... зальешь мне еще немного?

<http://bllate.org/book/14657/1301532>